

Едва Вэй Чэн услышал, что Горшочек хочет этот фонарик, он тут же согласился.

Подхватив брата на руки, он подошел к бумажному коробу. Лавочник окинул юношу оценивающим взглядом, задержавшись на его грубой поношенной одежде. Улыбка на лице торговца заметно померкла. Спрятав руки в рукава, он сухо предупредил: — Послушай, парень, одна попытка стоит двадцать монет. Если вытянешь пустышку — деньги не верну. Твои родители-то знают, на что ты добро тратишь?

Кто-то из толпы ехидно вставил: — Вы только посмотрите на его лохмотья! Чего этот деревенщина здесь забыл?

— Пацан, не тяни время! Ты ж всё равно грамоте не обучен, на экзамены не пойдешь. Ступай-ка лучше к батьке с мамкой, не мешай серьезным людям!

— И то верно, проваливай! Чего тут околачиваться?

Вэй Чэн пропустил насмешки мимо ушей. Он спокойно достал двадцать монет и выложил их на поднос за спиной лавочника. Юноша не обладал великими познаниями в науках, но жизнь в чужих людях научила его главному — подмечать малейшие перемены в лицах и настроениях. Он видел, с каким невозмутимым видом этот Чжао Лаоу смотрел, как книжники один за другим тянут пустые жребии «на удачу». Торговец то и дело переглядывался с парой крепких мужиков в толпе, и Вэй Чэн сразу смекнул: в коробе наверняка нет никакой заветной бумажки со сливой. Всё это — лишь наглая уловка, чтобы обчистить карманы доверчивых простаков.

Но Горшочек так редко чего-то просил, что старший брат не стал объяснять ребенку суть этих грязных махинаций. Он поудобнее перехватил малыша: — Ну давай, Горшочек, тяни.

Малыш ухватился за руку брата, заглянул в темное нутро короба и, повернувшись к лавочнику, вежливо уточнил: — А если вытяну... правда Горшочку отдадите?

Лавочник криво усмехнулся, едва сдерживая торжество: — Я, Чжао Лаоу, за все годы, что торгую на ярмарках, ни разу никого не обманул!

Он многозначительно глянул на толпу, и тут же чей-то голос из задних рядов подтвердил: — Чистая правда! Хозяин Чжао — человек слова!

— Я еще раньше тут играл, — добавил другой. — Помню, как главный фонарь вытянул один книжник. Сказывают, он теперь экзамены сдал и в большие чины выбился!

Услышав это, другие ученые мужи принялись подгонять братьев: — Эй, мелюзга, живо тяните, не задерживайте очередь!

— И то верно! Скорее, скорее! Я хочу еще раз попытать счастья...

Малыш запустил крохотную ручку в короб и выудил бумажный комок.

Лавочник даже не взглянул в их сторону. Он уже всюду зазывал новых клиентов: — В коробе еще полно жребиев! Кто следующий желает...

— Погодите! — вдруг выкрикнул кто-то из толпы, сорвавшись на фальцет. — Смотрите! У малыша в руке бумажка с цветком сливы!

— Ох ты ж! Надо же, двум неучам-деревенщинам такая удача привалила!

— Вот уж точно, всем нам на зависть!

— Братик! Гляди! — Горшочек высоко поднял свой трофей.

Вэй Чэн изумленно моргнул. Он знал, что его брат — настоящий везунчик, но не ожидал, что удача Горшочка окажется сильнее даже наглого мошенничества.

Лицо лавочника перекопилось. Не веря своим глазам, он выхватил короб, долго тряс его, а затем, едва сдерживая ярость, вперил гневный взгляд в одного из своих подельников в толпе.

Тот выглядел не менее растерянным. Он незаметно извлек из рукава бумажку и, присмотревшись, похолодел: листок был пуст. Видно, в суматохе он перепутал жребии и оставил выигранный в коробке, а пустышку припрятал для себя.

— Хозяин, фонарик, — Вэй Чэн протянул руку.

Улыбка на лице торговца окончательно застыла. С крайне недовольным видом он снял великолепный фонарь «Золотой дракон» и протянул его юноше.

Вэй Чэн уверенно забрал приз и спокойно добавил: — Вы еще обещали вернуть двадцать монет тому, кто вытянет счастливый билет. Ваше слово в силе?

Лавочник скрипнул зубами. В его глазах читалась нескрываемая злоба: — Ты... ах ты, наглец...

Вэй Чэн, не обращая внимания на его шипение, вдруг громко крикнул: — Тетушка, дядя Ма! Мы здесь!

Матушка Доумя, услышав голос, огляделась и, заметив их, радостно замахала рукой: — Братец Чэн! Горшочек!

Лавочник обернулся и, увидев в толпе могучую фигуру мясника Ма, тут же притих. Он нехотя отсчитал двадцать монет и с силой хлопнул ими по столу: — Забирай!

Вэй Чэну было плевать на его грубость — главное, что они остались в выигрыше. Спрятав медяки, он одной рукой подхватил брата, а в другой понес сияющий фонарь.

Вслед им еще долго неслись вздохи разочарованных книжников и восхищенные возгласы тех, кого поразила красота «Золотого дракона».

Доумяо, завидев их, и вовсе лишился дара речи: — Братец Чэн! Ты... ты правда выиграл такой огромный фонарь?!

Вэй Чэн усмехнулся: — Это всё Горшочек.

— Горшочек?! — Доумяо округлил глаза. — Горшочек, ну ты и силен!

Малыш важно задрал носик: — Горшочек всегда... очень силен!

Даже обычно неразговорчивый мясник Ма подошел поближе, чтобы рассмотреть искусно сделанного дракона. Матушка Доумяо довольно рассмеялась: — Фонарь этот — к большой удаче и процветанию! Видно, в этом году вас обоих ждет богатство и успех в делах!

— Вашими бы молитвами, тетушка, — улыбнулся Вэй Чэн.

***

Дорога обратно в деревню была долгой и тряской. Горшочек, убаюканный движением повозки, уснул на руках у брата еще до того, как они выехали из города.

Вернувшись домой, Вэй Чэн первым делом раздел малыша и уложил его на кан, где уже было расстелено теплое одеяло.

Обычно по вечерам они зажигали кучу хвороста на земляном полу, чтобы хоть немного разогнать тьму. Поскольку братья не занимались рукоделием и ложились рано, они не тратились на дорогую медную лампу и масло. Но сегодня «Золотой дракон», в котором еще теплился фитиль, залил их крохотную хижину ярким, почти дневным светом.

«Если бы Горшочек не спал, он бы наверняка еще долго играл с этой красотой», — подумал Вэй Чэн.

Он осторожно погасил фитиль тонкой щепкой и тоже улегся спать.

***

В то же самое время в боковом флигеле старого дома Вэев всё еще горела свеча.

Вэй Чжи вдруг в ярости скомкал лист, на котором успел написать лишь половину текста. Лицо его было бледным, в глазах лопнули сосудики, а пальцы вцепились в волосы.

В начале февраля ему предстояло сдавать уездный экзамен. Но сейчас работа не шла: мысли путались, и он то и дело ошибался даже в простейших стихотворных строках. Учитель, родители, староста и сокурсники — все в один голос твердили, что он непременно пройдет, но сам он никак не мог обрести душевное спокойствие.

В памяти то и дело всплывал сегодняшний вечер и тот злополучный фонарь.

Бог с ним, что Вэй Чжи сам не вытянул жребий. Но почему это удалось тому мальчишке, которого привёл с собой Вэй Чэн? Откуда у этого сопляка такая невыносимая удача? Он вспомнил, как родители за обедом то и дело толковали, будто с появлением этого ребенка дела у Вэй Чэна пошли в гору. Раньше юноша лишь презрительно фыркал, но теперь в его душе шевельнулась черная зависть.

«Вэй Чэн — неуч, он, поди, и собственного имени написать не сумеет! Зачем такому лесному дикарю, которому суждено всю жизнь землю рыть, такая удача и этот дракон? Мне, Вэй Чжи, предстоит ковать свою судьбу на экзаменах, мне нужно взлететь по лестнице чинов! Вот кому на самом деле нужно покровительство Небес!»

«Завтра же поговорю с отцом и матерью. Нужно любой ценой забрать этого мальчишку в наш дом...»

От этой мысли Вэй Чжи стало чуть легче. Он взглянул на стопку книг на столе, к которым уже не было сил возвращаться, и, поддавшись внезапному порыву, выудил из-под вороха бумаг припрятанный альбом с изображениями полуобнаженных красавиц.

Забыв о науках, он до самого рассвета с упоением перелистывал страницы.

***

Весна в этом году наступила непривычно рано. По утрам и вечерам всё еще подмораживало, но днем солнце припекало вовсю. В этой череде оттепелей и заморозков земля у подножия горы Маоси незаметно покрылась нежной зеленью. На ивах проклюнулись почки, дети сменили тяжелые стеганные халаты на легкие одежды, а в лесу зазвучали звонкие птичьи трели. Снег сошел быстро, и дни незаметно перевалили в цветущий апрель.

Сегодня в окрестных деревнях Цзяншуй, Маоси, Цзянхэ и Фэнмяо открылась первая большая

ярмарка. Торги развернулись в деревне Цзянхэ на просторном пустыре. Чего здесь только не было! Торговцы предлагали залежалые за зиму запасы капусты и редьки, всюю визжали поросята, мемекали козлята, а из корзин доносился неумолчный писк весенних цыплят. Вэй Чэн тоже решил привести Горшочка, чтобы тот посмотрел на шумное людское гулянье.

К этому времени братья сумели скопить сорок лянов серебра: двадцать — за ловлю лягушек, и еще двадцать — в качестве награды от властей.

Половину этой суммы Вэй Чэн твердо решил отложить на покупку двух му земли. Староста уже всюю присматривал для них подходящий участок. Кроме того, у юноши оставалось около девяти лянов и триста монет на жизнь и закупку птицы. Однако за время праздников и февраль пришлось потратиться: купили муку, масло, уксус и соль. Вэй Чэн даже разорился на отрез ткани получше грубого полотна, чтобы матушка Доумяо сшила им обновки к весне. Несколько раз покупали мясо и сушеные овощи у семьи Чжоу. В итоге триста монет разлетелись вмиг, и пришлось разменять еще один серебряный лян.

Теперь в кошельке оставалось восемь лянов и девятьсот монет.

Он вел Горшочка за руку мимо загонов со скотиной. Малыш заворуженно смотрел на белоснежных ягнят. — Нравятся овечки? Давай сначала купим цыплят, а на обратном пути снова заглянем сюда?

— Горшочек любит кушать... овечек, — малыш забавно замахал руками, его черные глаза так и сияли. — Баранья ножка... очень вкусная была!

Всего один раз попробовал, а запомнил на всю жизнь.

Вэй Чэн рассмеялся: — Овечек этих люди растят, просто так их есть — только добро переводить. Давай через пару дней я свожу тебя в город, поищем там свежую баранину, идет?

Горшочек послушно кивнул: — Идет!

Вскоре они набрели на возы с цыплятами. Воздух наполнился тонким, пронзительным пискотом. Муж-лавочник приподнял плотное одеяло, и взорам открылись десятки пушистых ярко-желтых комочков.

Покупателей было хоть отбавляй. Деревенские женщины и гээры наперебой спорили о цене, и Вэй Чэн быстро понял, почему все так охотятся именно за весенними цыплятами. Пуховички этого вывода были крепкими и выносливыми, а главное — к осени они уже начнут нестись, так что к зиме можно будет накопить яиц на продажу. А в холода яйца всегда в цене.

Цыпленок размером в две ладони, совсем еще крохотный и нежный, стоил несколько монет. Дело это было рискованное: если не уследить, можно и весь выводок потерять.

Вэй Чэн понимал, что для первого раза не стоит брать слишком много, но и мелочиться не хотелось — яйца и мясо были им просто необходимы. Глядя, как соседи забирают по пятьдесят штук, он решил взять двадцать. Если хотя бы половина выживет, он будет доволен.

Пока хозяин отбирал птицу, один пушистый комочек вдруг смело вскарабкался на ладонь Горшочка. Цыпленок совсем не боялся людей и забавно попискивал. Малыш в восторге посмотрел на брата: — Братик, смотри! Птичка... такая ладненькая!

— Ладненькая, — подтвердил Вэй Чэн.

Горшочек жалобно протянул: — Братик... Горшочек хочет именно этого цыпленка.

Вэй Чэн не успел и слова сказать, как муж-лавочник добродушно махнул рукой: — Другим я по штуке-две в подарок даю, и вам, хоть и взяли немного, одного накину. Забирайте этого пострела задаром!

Вэй Чэн поспешно поклонился: — Спасибо вам, дядюшка.

Горшочек, бережно прижимая к себе живой комочек, просиял и вежливо добавил: — Спасибо, дядюшка!

С покупкой в руках братья зашагали в сторону дома. Путь их лежал через улицу, где жила Цинь-ши. Едва они поравнялись с ее домом, как Вэй Чэн замер: ворота выглядели жутко — они были залиты чем-то темно-красным, словно на них выплеснули целый таз свежей крови.

<http://bllate.org/book/15346/1373014>